

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.П. МОСКВИН
(Волгоград)

ВЫСОКИЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ: БАЗИСНЫЕ КАТЕГОРИИ И ПРИЗНАКИ*

Проанализированы базисные категории высокого стиля, выявлены тактики их реализации: 1) приемы, очищающие понятия от ассоциаций, несовместимых с идеей прекрасного; 2) различные виды амплификации, придающие речи пространность. Приемы высокого произносительного стиля образуют систему, органично встроенную в данный механизм возвышения. К числу таких приёмов относятся замедление темпа речи, а также ксенизация произношения за счет орфоэпических заимствований из культурно престижных языков.

Ключевые слова: *стилистика, орфоэпия, произносительный стиль, приёмы возвышения стиля.*

Если средний и низкий стили представляют собой естественную среду обитания практического языка и подчинены его законам, то высокий живет по совершенно иным правилам. Системообразующими для этого стиля являются две категории, которых не знает язык практический.

1. Идея эстетически прекрасного: давно замечено, что высокий стиль требует «самых красивых слов» [23, с. 265]. На категорию прекрасного ориентирована эстетическая (декоративная, поэтическая) функция языка, связанная с выражением «эмоции восторга и любования», со способностью речи «привлекать нас своею красотой» [14, с. 64 и 100]. С идеей прекрасного несовместимы бытовые, натуралистические, физиологические ассоциации;

* Работа выполнена в рамках проекта №16-14-34501 г(р) «Диалекты как экологическая зона языка. Всероссийская научная конференция, посвященная памяти профессора Р.И. Кудряшовой», поддержанного РГНФ.

следовательно, возвышают стиль те приемы переименования, которые приподнимают понятия над бытовой реальностью, эстетически рафинируют, освобождают их от указанных ассоциаций:

1.1. Ксенизация [греч. *ξενίζειν* ‘очуждать’] – замена выразительных средств родного языка иноязычными эквивалентами. Еще Аристотель указал на то, что такие замены возвышают стиль, «ибо иностранные вещи в восхищение людей приводят, а то, что порождает восхищение, приятно» [19, с. 192]. Возвышению стиля способствуют замены заимствованиями из культурно престижных языков, в частности церковнославянского, который по своей функции был «языком особым, торжественным, языком церковной службы» [11, с. 298], ср. нейтр. *лежать в постели* и высок. *возлежать на ложе*.

1.2. Архаизация – замена нейтральной номинации ее устарелым эквивалентом: так, когда мы говорим *уста*, возникает «поэтический образ, исключаящий натурализм и несопоставимый с “физиологическим” представлением о губах как продолжении слизистой оболочки рта» [13, с. 87].

Как несовместимую с идеей прекрасного следует трактовать категорию комического, которую традиционно относят к сфере эстетически безобразного. Согласно теории неконгруэнтности, комическое представляет собой «картину несовместимых частей, объединенных в единый комплекс» [20, с. 318]. В рамках данной теории вполне объяснимы тактики нарочитого нарушения правила тематической уместности: а) высокий стиль несовместим со сниженной темой, что приводит к эффекту высокого бурлеска; б) низкий стиль несовместим с высокой темой, что приводит к эффекту низкого бурлеска.

2. Категория величественного. Ещё И. Кант [7, с. 271 и 253] связал идею высокого с двумя типами количественной оценки: а) градуальной: «Возвышенное приписывается силе», т. е. «буре, грозе, землетрясению и т. п.»; б) параметрической: «Возвышенным мы называем то, что безусловно велико». Давно замечено, что ширина, длина предметов, их высота и глубина, т. е. «всякая громадность создает впечатле-

ние величественности» [22, с. 107], что величественный стиль связан «с формой, массой и масштабами предметов» [26, с. 40]. Думается, что в сферу действия количественной оценки как основы категории величественного следует включить понятие пространности / краткости речи. Правило, сформулированное Деметрием Фалерским, гласит: «Речь о предметах величественных требует удлинения колонов», краткие же колоны применимы «к каким-либо мелким предметам»; если разбить длинный период на ряд коротких фраз, то «множество пауз (*ἀνάπαυλα* ‘пауза’, букв. ‘отдых’. – В. М.) появится, но величественность слога исчезнет» [24, с. 7 и 41].

Пространности, а следовательно, и возвышению речи способствуют различные виды амплификации [лат. *amplificatio* ‘увеличение’], состоящей: а) в распространении фразы посредством второстепенных членов, б) в повторе языковой единицы, в) в нагнетании однородных по содержанию или форме единиц. Еще Дионисий Лонгин увязывал высокий стиль с фигурами пространной речи: «Сильнее всего и прежде всего суть высокого стиля в амплификации <проявляется>, а равно в движениях души возвышенных, кои, так скажу, захватывают аудиторию» [25, с. 95].

Итак, в основе высокого стиля лежат категории прекрасного и величественного; следовательно, возвышению стиля способствуют прежде всего те приемы, которые: а) могут переводить понятия в сферу эстетически прекрасного и величественного; б) придают речи пространность. Рассмотрим с этой точки зрения высокий произносительный стиль. Его приметы задаются в научной литературе списком*, однако, как показал анализ, эти приметы образуют систему, органично встроенную в представленный выше механизм возвышения стиля. Существует два способа возвысить стиль за счет произношения.

1. Замедление темпа речи, что усиливает впечатление ее пространности, а значит, способствует возвышению стиля: считается, что «чем полнее по времени и сильнее долгие слоги, тем торжественнее речь» [27, с. 138; cf. 24, с. 35; 18, с. 165]. Удлинение звука [греч. *διαστολή*, лат. *prolongatio*] как прием замедления темпа речи характерно для «речитативного», «высокого стиля», в частности для «ора-

торского» и «церковного» стилей произношения; ускорение же уместно для «общепринятого бытового (*styluscommunis*)», а также «комического», или «театрального стиля» [21, с. 77 и 35]. Принято выделять два типа удлинения звуков: геминацию и эктасис. Геминация [лат. *geminatio* ‘удвоение’] представляет собой удлинение согласного. Удлинение смычных согласных, которые «тянуться» не могут, происходит за счет внутрисловной паузы, т. е. «“паузы” во время смычки», разделяющей имплозию и эксплозию [5, с. 125; 1, с. 128]: «Только зима, да метель эта [‘б’]елая Напоминают сегодня о них» (А. А. Пугачев [?]. «Белой акации гроздь душистые...» в исполнении Л. Сенчиной). Эктасис [греч. *έκτασις* ‘удлинение’] состоит в удлинении гласного звука: «Останов[и:]сь, прем[у:]дрый, как Эд[и:]п, Пред Сф[и:]нксом с др[е:]внего заг[а:]дкой!» (А. Блок. «Скифы» в исполнении В. И. Качалова).

Удлинение звука известно и как прием эмфатического подчеркивания. Данный приём лежит в основе так называемого ЭМФАТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ – техники высокого произносительного чтения, состоящей в эмоциональном подчеркивании всех слов, составляющих смысловой каркас текста: «Нас не нужно жале[‘с’:]», ведь и мы никого б не жалел[и:]. Мы пред нашим ко[м:]бато[м:], как пред [γ:]осподо[м:] Бого[м:], чист[ы:]» (С. Гудзенко. «Мое поколение» в исполнении В. Высоцкого).

Считается, что удлинение гласных характерно для стихотворной речи [6, с. 72]. Это наблюдение относится в большей степени к высокому, торжественному стилю и лирике, в меньшей – к сатирическим стихам, игровой и сниженно-бытовой стихотворной речи, ср.: «Раз, два, три, четыре, пять, Вышел зайчик погулять» (Ф. Б. Миллер. Раз, два, три, четыре, пять...). Ритмичность данного текста позволяет использовать его в качестве считалки; если же этот детский стишок исполнить в торжественном, замедленно-речитативном стиле, получим яркий эффект высокого бурлеска:

Охотник: Уми[р:а:]ет з[а:]йч[и:]к [м:о:]й!
 Ха-ха-ха-ха!
 Хор: Ой, ой, ой, ой, ой.
 Заяц: Пр[и:]н[е:]с[у:]т ме[н’а:] дом[о:]й,
 Окаж[у:]ся [ja:] жив[о:]й...

Ю. Энтин. Опера про зайчика,
 муз. М. Дунаевского

2. Ксенизация. Данная тактика оказала влияние и на отдельные произносительные

* Характер таких списков приводит к совершенно справедливому мнению о том, что «встретить тексты, которые иллюстрировали бы предлагаемое современными исследователями видение высокого <произносительного> стиля, крайне затруднительно» [2, с. 163].

особенности высокого стиля. Наиболее заметным источником таких особенностей стал церковнославянский язык. В 1755 г. М. В. Ломоносов [8, с. 430] пишет, что буква *z* может произноситься «как у иностранных *h*. Сие произношение осталось от славенского языка», ср.: «И русский в шумной глубине Уже плывет и пенит волны, Уже противных скал *достиг*, Уже хватается за *них*...» (А. С. Пушкин. Кавказский пленник). Поскольку славянизмы (например, *достиг*[x]) использовались преимущественно в высоком стиле, фрикативный [γ] не только стал приметой этого стиля, но даже, судя по рифмам XVIII – нач. XIX в., распространился в книжной речи на произношение слов, по своему происхождению не связанных с церковнославянским языком: «Или музыкой и певцами, Органом и волынкой *вдруг* Или кулачными бойцами И пляской веселю мой *дух*» (Г. Р. Державин. Фелица).

Отличительной чертой церковнославянского вокализма является отсутствие качественной редукции безударных гласных: *слова* [словэса], т. е. «оканье» и «эканье», которые возникли в книжном (церковном) произношении в XI–XII вв. «в процессе адаптации церковнославянского языка на русскую почву», т. е. «приспособления его к восточнославянским диалектным условиям», что было «непосредственно связано с практикой богослужения», которая должна была соответствовать «требованию единообразия», в том числе и в сфере произношения [15, с. 143]. Фрикативный [γ] и безударное [o] как приметы высокого стиля ушли из употребления, скорее всего в результате столкновения с культурно непрестижными диалектно-просторечным [γ] и диалектным «оканьем», и в настоящее время являются орфоэпическими архаизмами. «Эканье» же, не будучи отягощено паразитарными ассоциациями указанного типа, сохранилось и до сих пор фиксируется специалистами как заметная черта высокого стиля: [в'э'дú], [м'э'ста́].

Рассмотрим один фонетический закон русского языка, также испытывавший на себе иноязычное, в частности церковнославянское влияние. Согласно этому закону, ударный гласный [э] в позиции между мягким и твердым согласными заменяется ударным гласным [o]. Поскольку в церковнославянском языке «закон о переходе *e* в *o* не был известен», большинство церковнославянизмов сохраняет ударное [э] в позиции между мягким и твердым согласными; вместе с тем нельзя не отметить «неу-

клонно идущий процесс “обрусения” соответствующих слов путем трансформации их произношения с *e* на *o*», ср. *безнадёжный* и *безнадёжный* [9, с. 218 и 219]. Д. Н. Ушаков [16, с. 159] отмечает, что переход [э] в [o] происходит «под влиянием просторечия», ср. *совре́нный* и неправ. *совре́нный*. Такое «ё» считалось низким, простонародным, поэтому уже в XVIII в. «образованные люди... старались вообще не произносить *e* за *ё* при чтении, т. е. старались читать, как пишется: *идёт*, а не *идёт*» [Там же]. Благодаря «буквенному прочтению» фонетический славянизм [э] на месте [ó] распространился на русскую лексику и, ввиду высокого статуса церковнославянского языка, стал признаком «высокого произношения» [3, с. 447], ср.: «Чугун кагульский, ты *священ* Для русского, для друга славы – Ты среди торжественных *знамен* Упал горящий и кровавый» (А. С. Пушкин. Чугун кагульский, ты священ...).

Как уже было отмечено, что для церковнославянского языка характерно книжное, «побуквенное произношение» [15, с. 159]. Думается, именно в этой перспективе можно рассматривать не только безударное [o], безударное [э] и сохранение ударного гласного [э] в позиции между мягким и твердым согласными, но и следующие три приметы торжественной речи:

1. Ограничения на звуковой эллипсис, который в нейтральном и сниженном стилях используется, в частности, для устранения либо упрощения консонантных скоплений, ср. разг. *народу бе[зн]а* и высок. *на краю бе[здр]ы*, нейтр. *со[н]це* и высок. *со[лн]це*: «Вот лозунг мой / и с[о:'н]ца!» (В. Маяковский. «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» в исполнении автора). Ускоренный темп речи, «общая скомканность произношения, “проглатывание” отдельных слогов и звуков» [17, с. 37], т. е. нечеткость произношения и активный звуковой эллипсис (в частности, апокопирование, ср. *Санкт-Петербург* и разг. *Питер*, *университет* и жарг. *универ*), уместны в сниженном дискурсе, более подверженном влиянию закона речевой экономии, а значит, и более прагматичном.

2. Отсутствие ассимилятивного смягчения согласных «в словах высокого (или книжного) стиля»: *во[зв']еличить*, *благод[е]нств'ие* [12, с. 113].

3. Удлинение при озвучивании двойных согласных, ср. произношение слова *Россия*:

1) в эмоционально нейтральной речи, например в названии известного текста: «Александр Сергеевич Пушкин. Клеветникам Ро[с']ии» (А. С. Пушкин. «Клеветникам России» в исполнении В. Золотухина); 2) в эмоционально отмеченной речи: а) в высоком, речитативном стиле: «Зачем анафемой грозите вы Ро[с']ии?» [12, с. 113]; б) при эмфазе: «Откуда начинается Ро[с']ия? С Курил? С Камчатки? Или с Командор?» (В. Боков. «Откуда начинается Россия» в исполнении автора).

Гораздо меньшее влияние на высокий произносительный стиль оказали современные европейские языки. Так, в некоторых заимствованиях из этих языков, в отличие от русского не знающих качественной редукции безударных гласных, сохраняется безударное [o], используемое «в торжественной, приподнятой речи» [4, с. 142]: *с[о]нет, н[о]т, н[о]кторн*. В заимствованиях из этих же языков, в отличие от русского не знающих противопоставления твердых и мягких согласных, «в высоком стиле могут не смягчаться согласные перед [э]»: *со[нэ]т* [10, с. 118]. Черты высокого произношения, восходящие к современным европейским языкам, лишены культурно значимых опор, каковой для орфоэпических славянизмов является практика богослужения, а потому менее устойчивы.

Для устной публичной речи современных носителей русского языка характерна дефектность стилевой парадигмы, в частности незнание приёмов высокого произносительного стиля. Целесообразной в этой связи представляется подготовка системы специальных упражнений, направленных на развитие необходимых навыков и умений в этой далеко не простой сфере.

Список литературы

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972 [1950].
2. Вещикова И. А. Высокий стиль в современной орфоэпической реальности // Стилистика как речеведение / ред. Л. Р. Дускаева. М., 2013. С. 162–168.
3. Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 443–459.
4. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978.
5. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
6. Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.
7. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения. Т. 5. М., 1966 [1790]. С. 249–288.
8. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / ред. С. И. Вавилов, Т. П. Кравец. М.–Л., 1952. Т. VII. С. 389–578.
9. Обнорский С. П. Переход *e* в *o* в современном русском языке // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 215–234.
10. Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 103–137.
11. Панов М. В. История русского литературного произношения XVII–XX вв. М., 1990.
12. Панов М. В. Стилистические изменения в фонетике // Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование) / ред. М. В. Панов. Кн. 4. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968а. С. 108–116.
13. Сапаров М. А. Словесный образ и зримое изображение (живопись – фотография – слово) // Литература и живопись / ред. А. Н. Иезуитов. Л., 1982. С. 66–92.
14. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
15. Успенский Б. А. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. III. М., 1997. С. 143–208.
16. Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи. О правильном произношении // Ушаков Д. Н. Русский язык / сост. М. В. Панов. М., 1995. С. 155–177.
17. Якубинский Л. П. О звуках стихотворного языка // Поэтика. Петроград, 1919. С. 37–49.
18. Aristoteles. De Arte Poetica liber. Graece et Latine. Lipsiae, 1780.
19. Aristoteles. De Arte Rhetorica libritres. Graece et Latine. Helmaestadi, 1648.
20. Beattie J. Essays: on poetry and music, as they affect the mind: on laughter, and ludicrous composition; on the usefulness of classical learning. Edinburgh, 1779.
21. Bernhard Ch. The treatises of Ch. Bernhard // The music forum. Vol. 3. N. Y., 1973. P. 1–196.
22. Burke E. A philosophical enquiry into the origin of our ideas of the sublime and beautiful. Basil, 1792.
23. Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor. Lipsiae, 1828.
24. Δημητρίου Φαληρέως Περί Ἑρμηνείας. Glasguae, 1743.
25. Dionysii Longini De sublimitate. Trajectum ad Rhenum, 1694.
26. Fernow C. L. Römischestudien. Th. II. Zürich, 1806.

27. [Quintilianus]. M. Fabii Quintiliani institutionis oratoriae. Libri duodecim. Ad fidem codicum manuscriptorum recensuit Eduardus Bonnell. V. II. Lipsiae, 1854.

* * *

1. Avanesov R. I. Russkoe literaturnoe proiznoshenie. M., 1972 [1950].

2. Veshhikova I. A. Vysokij stil' v sovremennoj orfojepecheskoj real'nosti // Stilistika kak rechevedenie / red. L. R. Duskaeva. M., 2013. S. 162–168.

3. Vinokur G. O. O slavjanizmah v sovremenном russkom literaturnom jazyke // Vinokur G. O. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M., 1959. S. 443–459.

4. Gorbachevich K. S. Normy sovremenного russkogo literaturnogo jazyka. M., 1978.

5. Zinder L. R. Obshhaja fonetika. M., 1979.

6. Zlatoustova L. V. Foneticheskie edinicy russkoj rechi. M., 1981.

7. Kant I. Kritika sposobnosti suzhenija // Kant I. Sochinenija. T. 5. M., 1966 [1790]. S. 249–288.

8. Lomonosov M. V. Rossijskaja grammatika // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij / red. S. I. Vavilov, T. P. Kravec. M.–L., 1952. T. VII. S. 389–578.

9. Obnorskij S. P. Perehod *e v o* v sovremenном russkom jazyke // Obnorskij S. P. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M., 1960. S. 215–234.

10. Panov M. V. O stiljah proiznoshenija (v svjazi s obshhimi problemami stilistiki) // Panov M. V. Trudy po obshhemu jazykoznaniju i russkomu jazyku. T. 1. M., 2004. S. 103–137.

11. Panov M. V. Istorija russkogo literaturnogo proiznoshenija XVII–XX vv. M., 1990.

12. Panov M. V. Stilisticheskie izmenenija v fonetike // Russkij jazyk i sovetskoe obshhestvo (sociologo-lingvisticheskoe issledovanie) / red. M. V. Panov. Kn. 4. Fonetika sovremenного russkogo literaturnogo jazyka. Narodnye govory. M., 1968a. S. 108–116.

13. Saparov M. A. Slovesnyj obraz i zrimoe izobrazhenie (zhivopis' – fotografija – slovo) // Literatura i zhivopis' / red. A. N. Iezuitov. L., 1982. S. 66–92.

14. Tomashevskij B. V. Teorija literatury. Pojetika. M., 1996.

15. Uspenskij B. A. Russkoeknizhnoeprouznoshenie XI–XII vv. i ego svjaz' s juzhnoslavjanskoj tradiciej (Chtenie erov) // Uspenskij B. A. Izbrannye trudy. T. III. M., 1997. S. 143–208.

16. Ushakov D. N. Russkaja orfojepeija i ee zadachi. O pravil'nom proiznoshenii // Ushakov D. N. Russkij jazyk / sost. M. V. Panov. M., 1995. S. 155–177.

17. Jakubinskij L. P. O zvukah stihotvornogo jazyka // Pojetika. Petrograd, 1919. S. 37–49.

Elevated pronunciation style: basic categories and signs

The article deals with the basic categories of the elevated style and the tactics to implement them: 1) techniques that help to avoid the associations that do not correspond to the idea of the beautiful; 2) various types of amplification that make speech ample. The techniques of the elevated pronunciation style form a system that is integrated into the mechanism of elevating. Such techniques are slow speech tempo, as well as the xenization of pronunciation by means of orthoepic borrowings from culturally prestigious languages.

Key words: *stylistics, orthoepy, pronunciation style, techniques of elevating the style.*

(Статья поступила в редакцию 10.10.2016)

Т. Н. КОЛОКОЛЬЦЕВА
(Волгоград)

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ ИНТЕРНЕТ-ЭПОХИ*

Анализируются изменения, произошедшие в разговорной речи и разговорном стиле за последние несколько десятилетий: расширение коммуникативного пространства непринужденного общения, в том числе за счет интернет-коммуникации, изменения в лексическом составе разговорной речи, активизация языковой игры, усиление стилистических контрастов.

Ключевые слова: *разговорная речь, разговорный стиль, разговорная лексика, интернет-коммуникация, новая разговорность, языковая игра.*

Разговорная речь и разговорный стиль занимают особое место в современной функционально-стилевой парадигме. Они носят некодифицированный характер и поэтому противопоставлены всем кодифицированным стилям и разновидностям русского литературного языка.

Как известно, период наиболее интенсивного изучения разговорной речи и разговорно-

* Работа выполнена в рамках проекта №16-14-34501 г(р) «Диалекты как экологическая зона языка. Всероссийская научная конференция, посвященная памяти профессора Р.И. Кудряшовой», поддержанного РГНФ.